

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-2-33

УДК 821.112.2.01

**СЮЖЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС «ПЕРЕХОД ГРАНИЦЫ»  
В РОМАНЕ Э.М. РЕМАРКА «ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА»**

**Поршнева А.С.**

*В статье анализируется сюжетно-пространственный комплекс перехода границы в эмигрантском романе Э.М. Ремарка «Триумфальная арка» на материале сюжетной линии главного героя. Выявляются обязательные составляющие перехода – события с пороговым статусом и прохождение через переломный хронотоп. Доказывается, что основным пороговым событием в изучаемом романе является месть героя представителю национал-социалистического режима, являющемуся его личным врагом. На основании анализа функций перехода границы делается вывод о том, что именно переход делает возможным «симметричное» построение сюжетных элементов в романе.*

**Ключевые слова:** Э.М. Ремарк; эмиграция; эмигрантский роман; переход границы; пространство; сюжет; пороговый хронотоп.

**PLOT AND SPACE COMPLEX «BORDER CROSSING»  
IN E.M. REMARQUE'S NOVEL «ARC DE TRIOMPHE»**

**Porshneva A.S.**

*The article deals with plot and space complex «border crossing» in E.M. Remarque's exile novel «Arc de Triomphe», data for study being the main character's plotline. Liminal events and going through the «chronotope of change» are considered to be obligatory parts of this complex. It is proved that the main liminal event in Remarque's novel is the main character's revenge, when he kills his personal enemy, Nazi officer. The role of the complex is analyzed. As a result the author stresses it is «border crossing» that enables to organize plot functions symmetrically.*

**Keywords:** E.M. Remarque; exile; exile novel; border crossing; space; plot; «chronotope of change».

## Введение

Творчество Э.М. Ремарка, которое, согласно устоявшейся традиции, представляет собой материал для изучения «антивоенной и антифашистской темы» [8, с. 6], рассматривается в рамках наших исследований [см.: 10; 11] в контексте жанровых особенностей немецкого эмигрантского романа – жанра, который сформировался в немецкой литературе после событий 1933 года и запечатлел кризисное мироощущение эмигранта.

## Обзор литературы

Интересующий нас роман Э.М. Ремарка «Триумфальная арка» – второй в его эмигрантской пенталогии. Из всех пяти романов этого автора, посвященных эмиграции, «Триумфальная арка» привлекла наибольшее внимание исследователей. При этом практически во всех работах по данному роману особое внимание уделяется его ключевому (с точки зрения как отечественных, так и зарубежных литературоведов) эпизоду – убийству главным героем, врачом Равиком, нациста Хааке, который является его личным врагом.

Убийству Хааке часто придается статус кульминации всего романного действия, сюжетного и смыслового «центра» романа. Так, Т.С. Николаева считает, что мотивом убийства является не месть, а принципиальное несогласие героя с национал-социализмом: «Убийство Равиком Хааке нельзя рассматривать как личную месть. Герой уничтожает в его лице не только своего врага, но прежде всего фашистского палача и убийцу, на счету которого не одна жертва. <...> Герой пытается оправдать и утвердить себя как личность, действующую в условиях ожесточенной борьбы народов против фашизма» [9, с. 45-46]. Эту же мысль развивает критик М. Харитонов – хотя в его глазах Равик протестует не столько против национал-социализма, сколько против зла вообще: «Равик заставляет себя увидеть в этом ничтожном, пошлом говоруна и любителя выпить не человека, не обособленного палача, а представителя сил зла. Казня Хааке, он, как умеет, наносит удар по этим силам, отстаивая насущные для себя человеческие ценности. Отказ от этой ненависти, от действия равносителен для него дезертирству» [14, с. 7-8]. При этом оба исследователя следуют за текстом романа и аргументируют свою позицию следующим фрагментом внутреннего монолога Равика: «Вдруг это стало чем-то намного большим, чем просто личная месть. Казалось, что если он этого не сделает, то он будет виновен в каком-то бесконечном преступлении, что что-то в мире будет потеряно навсегда, если он не будет действовать. <...> Он знал, что Хааке был всего лишь мелким служащим страха, что он не так уж много значил, – но внезапно он понял и то, что убить его было бесконечно важно»<sup>3</sup>

---

<sup>3</sup> Здесь и далее перевод мой – А.П.

[18, с. 377-378]. Альфред Антковиак, ссылаясь на работы Ильи Фрадкина, именно в связи с убийством нациста считает Равика первым эволюционирующим героем в творчестве Э.М. Ремарка, в то время как все предшествующие герои статичны и проявляют одни и те же качества в разных ситуациях [см.: 15, с. 88-89]. Немецкий исследователь Хельга Шреккенбергер, не обремененная идеологическими штампами, высказывает ту же мысль: «Из текста ясно следует, что Равик понимает убийство Хааке не только как акт личной мести, но и как активное сопротивление против бесчеловечного режима» [21, с. 34-35]. Д. Буш усматривает в убийстве Хааке «только индивидуальный акт освобождения», но называет его «указывающим направление»: значение этого поступка связывается с перспективным по отношению ко времени действия романа «знанием истории» [17, с. 375].

Существуют и противоположные трактовки: так, Сара Бен Аммар усматривает в убийстве Хааке «индивидуалистски-анархический поступок... выражение чрезмерной буржуазности» [16, с. 57]. Единственное исследование, в котором поступок Равика интерпретируется в контексте «индивидуальных, частных проблем и попыток преодоления прошлого у действующих лиц», – это работа И. Шлёссер «Изображение эмиграции у Э.М. Ремарка» [20, с. 71-72].

### **Постановка задачи**

Задачей настоящей статьи является анализ комплекса перехода границы в романе Э.М. Ремарка «Триумфальная арка», а также выявление роли убийства Хааке в реализации данного сюжетно-пространственного комплекса.

### **Описание исследования**

Для изучаемого жанра эмигрантского романа характерны особые способы организации пространства. Во всех романах пространство организовано по образцу пространства классического мифа, т.е. концентрическими кругами вокруг центральной точки, где каждый следующий круг связан с предыдущими и с центром отношениями бинарных противопоставлений. Пространство эмиграции (т.е. пространственная картина мира, присущая героям-эмигрантам), будучи структурно подобным пространству мифа, в ценностном смысле ему противоположно, т.к. основная для него оппозиция – это оппозиция враждебного центра (Третьего рейха, зоны хаоса) и сакральной периферии (стран за пределами Европы, зоны порядка). Между центром и окраинным «кольцом» располагается не-немецкая Европа, которая формирует либо одно, либо два аксиологически различных «кольца»; каждое следующее «кольцо» более ценно для эмигрантского сознания, чем предыдущее [см.: 10].

Зависимость сюжетных единиц от пространственно-временной организации неоднократно отмечалась теоретиками литературы. Так, Н.Д. Тмарченко пишет: «Изображенное пространство-время – это условия, *определяющие характер событий и логику их следования друг за другом*» [13, с. 178] (выделено мной. – А.П.). Сюжетное событие – это перемещение героя в качественно другое пространство, по определению Ю.М. Лотмана – «перемещение персонажа через границу семантического поля» [6, с. 223]. Именно таким образом функционирует событие в немецком эмигрантском романе: оно представляет собой перемещение героя-эмигранта из промежуточного в окраинное «кольцо». Л.В. Стародубцева, исследуя переход границы на фольклорном материале, приходит к выводу, что «цена сказочного входного билета в иной град достаточно высока. Это – снятие чар, расколдовывание заколдованного, отыскание «сути», сокровенной драгоценности, и тому подобные попытки «причастить» конечный мир к бесконечному, смертный – к бессмертному через убиение Змия, Коршуна и другие ритуально-символические действия» [12, с. 56]. Подобные «ритуально-символические действия» порогового характера обязательно присутствуют в комплексе перехода границы в немецком эмигрантском романе, а его реализация является важнейшим фактором моделирования биографии героя-эмигранта.

Ключевым событием романа Э.М. Ремарка «Триумфальная арка» – второго произведения его эмигрантской пенталогии – является переход границы главным героем, врачом Равиком, который после бегства из немецкого концентрационного лагеря живет в эмиграции в Париже. Итог этого перехода изображен в двух последних романах пенталогии – «Тени в раю» и «Земля обетованная». В связи с этим анализ перехода границы в романе «Триумфальная арка» имеет смысл вести с учетом содержания обозначенных произведений.

Пересечение Равиком границы и перемещение в окраинное «кольцо» пространства эмиграции (из Франции в США) может быть квалифицировано как подлинный переход. Его укоренению в окраинном пространстве ничего не препятствует, поэтому возвращаться в Европу после окончания войны герой не планирует [см.: 19]. Все его травмы «погашены» (ausgelöscht) [18, с. 436]<sup>4</sup>. Этот факт Ремарк символически оформляет с помощью тех имен, которыми он наделяет героя.

В «Триумфальной арке» Равик в зависимости от ситуации называет себя «Воццек» [18, с. 226], «Нойманн» [18, с. 229] и – в финале – своим первым именем «Людвиг Фрезенбург».

---

<sup>4</sup> У Э.М. Ремарка в его поздних романах выведен и другой тип героев – совершивших формальный переход границы, но не способных остаться в окраинном «кольце», так как переход не сопровождался пороговыми событиями и вследствие этого герои по-прежнему связаны с покинутой Европой невыполненными обязательствами и «непогашенными» травмами.

Под этим именем он отправляется в лагерь для интернированных в финале романа «Триумфальная арка» и под этим же именем живет в Америке в романах «Земля обетованная» и «Тени в раю». Все те имена, под которыми Равик жил на разных этапах своего эмигрантского пути, в Америке оказываются неактуальными.

Равик снова называет себя своим первоначальным именем именно после ликвидации всех «европейских» травм и сохраняет его за собой вплоть до окончания эмигрантского пути в Америке, что, по выражению И. Шлессер, «выражает его удавшееся обретение себя» [20, с. 66]. Жизнь в Америке становится для героя возвращением к его истинной сущности, к тому, чем он был до вынужденной эмиграции; там он получает гражданство и перестает быть эмигрантом. Приобретение эмигрантского статуса и избавление от него могут быть квалифицированы, в терминологии Р. Барта [1, с. 205-206], как функции-корреляты.

Для перехода границы Равику необходимо преодолеть ряд препятствий. Самым важным из них является то, которое связано с фигурой нациста Хааке; для его понимания необходим античный мифологический код.

Хааке – офицер гестапо, который в «немецкий» период жизни Равика допрашивал его и отправил в концентрационный лагерь, а его близкую подругу Сибиллу довел до самоубийства. Для Равика гибель Сибиллы – одно из самых травматичных событий этого периода. До встречи с Хааке в Париже он всячески стремится подавить в себе воспоминание о ней: «В своих воспоминаниях он никогда не продвигался дальше, чем до того дня, когда Хааке распорядился ввести ее. Он никогда не продвигался дальше, чем до ужаса и сумасшедшего страха в ее лице. Все другое было изглажено из памяти этим лицом. И он никогда не продвигался дальше, чем до известия о том, что она повесилась. Он никогда в это не верил; это было возможно – но кто знал, что произошло перед этим? Он никогда не мог об этом думать, не чувствуя судороги в мозгу...» [18, с. 405-406]. Только после убийства Хааке отношение Равика к этому фрагменту его прошлого меняется: «Он думал о ней, и кольцо, и судорога, и туман внезапно куда-то исчезли. Что-то разрешилось, баррикада была размыта, застывший образ ужаса начала двигаться, он больше не был замерзшей картинкой, как все эти годы. Перекошенный рот начал закрываться, глаза потеряли свою неподвижность, и к белому как мел лицу мягко возвращалась кровь. Оно больше не было застывшей маской ужаса – оно снова стало Сибиллой, которую он знал, которая жила с ним...» [18, с. 406]. Образ погибшей Сибиллы, состоявший из набора неподвижных и неживых фрагментов («перекошенный рот», «белое как мел лицо» и др.), снова обретает целостность и «оживает» в воспоминании героя. «Баррикада» между Равиком и судьбой Сибиллы разрушается, и взаимоотношения героя с собственным прошлым утрачивают характер

жесткого противостояния. Воспоминание, которое до убийства было набором неподвижных «картин» (кольцо Хааке, стоявшее у Равика перед глазами во время пытки, искаженное ужасом лицо Сибиллы), перестает быть психологическим табу для героя. Это описано следующими словами: «Внезапно за горизонтом взмывали вверх дни – вечера – как чужое, забытое пламя от зажигалки. Заклинившая, запечатанная, покрытая коркой запекшейся крови дверь в его прошлом вдруг распахнулась легко и беззвучно, и за ней был сад, а не подвал гестапо» [18, с. 406]. «Компенсирующий» характер этого события подтверждается и таким символическим жестом: перед тем как закопать тело Хааке, Равик снимает с него то самое кольцо, которое он помнил со времен допросов [18, с. 404].

Мифологический смысл этого события состоит в том, что смерть Хааке становится искупительной жертвой, ценой которой обретает покой погибшая Сибилла: «Два глаза, которые много лет были распахнуты и молчаливо и безжалостно требовали и обвиняли, закрылись; на рот снизошел мир, и руки, в ужасе простертые к нему, наконец-то опустились. *Смерть Хааке освободила от смерти лицо Сибиллы* – одно мгновение оно еще жило, а потом начало терять четкость. Оно наконец-то стало спокойным и начало опускаться обратно; теперь оно никогда больше не придет, тополя и липы дали ему нежное погребение...» [18, с. 407; выделено мной. – А.П.].

Мифологические корни образа Сибиллы восходят к римским лемурам, преступно убитым и неотомщенным мертвецам [см.: 7, с. 48; 4, с. 172; 5, с. 303], которые приходят к живым (как Сибилла приходит к Равику) и требует искупить совершившееся преступление – убийство, приведшее мир из состояния космоса в состояние хаоса. Смерть Хааке – плата за это преступление, которая восстанавливает утраченное равновесие и приводит мир в состояние порядка – причем не столько внешний мир (национал-социализм продолжает существовать и после уничтожения одного из его представителей), сколько психологическое пространство героя. Воспоминание о Сибилле из набора застывших фрагментов, несущих на себе печать ужаса, превращается в живой образ, но вскоре после этого он «теряет четкость» и отдаляется от героя, чтобы «никогда больше не прийти» – весь этот образный ряд имеет мифологические параллели в представлениях о том, как задобренные лемуры обретают покой и покидают мир живых. Убийство Хааке как раз и позволяет Сибилле обрести покой (ее лицо могло «наконец-то стать спокойным») и возвратиться в нижний космос, в мир мертвых: «es sank zurück» – ‘она опускалась обратно’. Оно освобождает Равика от психологической травмы и возвращает его внутреннему миру утраченное равновесие, способствует «душевному освобождению от травмы» [20, с. 66] (И. Шлессер), то есть функционирует как искупительная жертва. Убийство

Хааке является «коррелятом» неотомщенной смерти Сибиллы. К возможности такой интерпретации подходит Д. Буш в своей статье «Образ Парижа в эмигрантских романах Ремарка и их рецепция во Франции», говоря, что Равик становится исполнителем «справедливой мести, ветхозаветного закона «око за око»» [17, с. 378]; однако данный тезис не получает в статье развернутого обоснования.

Между двумя рассматриваемыми событиями – собственно убийством и уходом Сибиллы в нижний космос – проходит несколько часов. В течение этого времени Равик увозит тело Хааке из Парижа и мысленно «проговаривает» несостоявшийся диалог с ним, в котором напоминает Хааке о его преступлениях и обвиняет его, легитимируя месть и завершая его «уничтожение». Функционально этот воображаемый диалог сближается с проклятьем, поскольку оно выполняет функцию негативного магического воздействия на объект [3, с. 427].

Убийство Хааке освобождает Равика от очень сильной травмы. В силу этого его значение не исчерпывается тем, что Хааке – представитель национал-социалистического режима, а Равик принадлежит к сообществу оппозиционных этому режиму нелегальных эмигрантов (как это подчеркивалось всеми советскими и просоветски ориентированными критиками, а также некоторыми другими исследователями). Напомним, что схожим с нашей концепцией образом – как акт приведения в состояние порядка своего частного мира – поступок героя интерпретируется только у И. Шлессер.

Прочтение убийства Хааке в мифологическом ключе, как уже говорилось выше, позволяет возвести это событие к архетипической сюжетной ситуации компенсации местью совершенного преступления. Это событие объясняет и решение Равика прекратить бегство, и его дальнейший выбор в пользу жизни в Америке после окончания войны и краха национал-социализма. Прошлое героя «погашено» (ausgelöscht) убийством Хааке, месть за Сибиллу осуществилась, она получила возможность вернуться в нижний космос, возвращение в Европу не имеет смысла. По определению Х. Шреккенбергер, любовь к Жоан, ее крах и убийство Хааке позволяют Равику «снова обрести себя самого» [21, с. 35]. Сара Бен Аммар тоже отмечает, что убийство Хааке приводит Равика «к примирению с миром» [16, с. 60].

В финале романа «Триумфальная арка» процесс прихода мира Равика в равновесие проходит еще одну стадию. Это связано с его отношениями с Жоан Маду, которые развивались достаточно неровно и закончились ее уходом к актеру, впоследствии застрелившему ее из ревности. Равик видит, что спасти Жоан он не может, и, когда у нее начинается предсмертная агония, вводит ей смертельную дозу медицинского средства: «Она не должна была медленно, мучительно долго задыхаться от все меньшего и меньшего количества воздуха. Она не должна

была бессмысленно страдать. Впереди у нее была только боль. Ничего, кроме боли. Возможно, на несколько часов...» [18, с. 456]. Из этих соображений Равик собственноручно берет шприц и «вкалывает его под кожу» [18, с. 456]. С другой стороны, он в этот же день приходит в клинику еще раз и делает последнюю операцию – кесарево сечение [18, с. 459]. Своими руками лишив жизни Жоан, Равик точно так же своими руками дает жизнь новому человеку – так образуется еще одна пара сюжетных «коррелятов». Тем самым он «компенсирует» случившееся и восстанавливает баланс в своем мире. Гибель Сибиллы искупается смертью Хааке, смерть Жоан – рождением младенца «от рук» Равика.

Завершение линии Хааке и Сибиллы, с одной стороны, и линии Жоан – с другой подводит Равика к следующим выводам: «Все это было хорошо. То, что было, и то, что наступало. Если это и будет конец – это будет хорошо. Одного человека он любил и потерял его. Другого он ненавидел и убил его. Оба они его освободили. Один позволил снова прорваться его чувству, другой погасил его прошлое. Позади не осталось ничего неисполненного. Желания здесь больше не было; не было ненависти и жалоб. Если это было новое начало – то это оно и было. <...> Пепел был вытряхнут, парализованные места ожили снова, из цинизма сделалась сила. Это было хорошо» [18, с. 436]. Свое прошлое Равик объявляет «погашенным», убийство Хааке и смерть Жоан подводят черту под определенным периодом его жизни, который в пространственно-временном отношении локализован между побегом из немецкого концлагеря, известием о начале войны и отправкой во французский лагерь для интернированных.

В силу этого Париж в романе «Триумфальная арка» становится важным рубежом эмигрантского пути, зоной перехода, в терминологии М.М. Бахтина – пороговым хронотопом [2, с. 280], где Равик меняет свой статус и из нелегального, но свободного эмигранта делается заключенным лагеря (что впоследствии дает ему возможность уехать в США). Имея возможность избежать участи интернированного (взяв, например, имя и удостоверение личности русского эмигранта Ивана Ключе [18, с. 460]), Равик осознанно решает остаться в отеле и сдать ся полиции: «Бегство подошло к концу... И я уже не хочу дальше» [18, с. 419]. В этом последнем эпизоде романа Равик называет себя именем «Людвиг Фрезенбург» [18, с. 462], данным ему при рождении. Это имя он сохраняет и в Америке, где обретает статус не-эмигранта и уезжать отсюда после окончания войны не намерен. Этот факт – возвращение героя к исходному имени, «коррелят» его утраты, – свидетельствует о преодолении им всех травм, связанных с эмиграцией, обретении утраченного; основным фактором этого стал подготовленный рядом пороговых событий переход границы.

### **Заключение**

Обобщение результатов исследования позволяет констатировать следующие закономерности. Переход границы Равиком является подлинным, а не формальным переходом. Он становится возможен благодаря пороговым событиям – в первую очередь, убийству Хааке, которое «гасит» травму героя и гармонизирует его мир. В свою очередь, следствием перехода является ликвидация всех недостатков (в терминологии В.Я. Проппа) в сюжетной линии Равика: все они «симметрично»<sup>5</sup> компенсируются после перехода.

Случай Равика типичен для немецкого эмигрантского романа в целом. Переход границы является важнейшим сюжетным элементом в произведениях данного жанра. Переход границы, то есть перемещение в окраинное «кольцо» пространства эмиграции как прохождение через пороговый хронотоп, сопровождаемое пороговыми событиями и освобождающее героя от его «немецких» травм и от эмигрантского статуса, входит в сюжетные линии героев-эмигрантов и в других произведениях эмигрантской пенталогии Э.М. Ремарка, а также в романах об эмиграции К. Манна и Л. Фейхтвангера.

### **Список литературы**

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М., 2000. С. 196-238.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. С. 121-290.
3. Виноградова Л.Н. Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст. Генезис и структура. – М., 2005. С. 425-440.
4. Иллюстрированный мифологический словарь / М.Н. Ботвинник [и др.]. – СПб.: Северо-Запад, 1994. 384 с.
5. Кондрашов А.С. Кто есть кто: Боги и герои Древней Греции и Рима: [энциклопедический словарь]. – М.: Рипол Классик, 2002. 703 с.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве: Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962-1993). – СПб., 1998. С. 14-285.

---

<sup>5</sup> «Симметричный» характер парных сюжетных функций потеря/обретение, недостатка/ликвидация недостатки и пр. отмечает Р. Барт [1, с. 206].

7. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. Т. 2: К–Я / Гл. ред. С.А. Токарев. 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1988. 719 с.
8. Михальская Н.П., Дудова Л.В. Концепция курса «История зарубежной литературы XX века» // Зарубежная литература XX века: практикум по курсу «История зарубежной литературы» по специальности 021700 – филология / Сост. и общ. ред. Н.П. Михальской, Л.В. Дудовой. 3-е изд. – М., 2003. С. 3-10.
9. Николаева Т.С. Творчество Ремарка-антифашиста. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 134 с.
10. Поршнева А.С. Мир эмиграции в немецком эмигрантском романе 1930–1970-х годов (Э.М. Ремарк, Л. Фейхтвангер, К. Манн): Монография. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. 306 с.
11. Поршнева А.С. Пространство эмиграции в романном творчестве Э.М. Ремарка: Монография. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2010. 231 с.
12. Стародубцева Л.В. Поэтика воображаемого города в реальном мире духовных поисков // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога / Сост. Т.В. Степугина. – М., 1996. С. 48-60.
13. Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы: учеб. пособие: в 2-х т. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Академия, 2004. 511 с.
14. Харитонов М. Герой Ремарка в поисках опоры // Ремарк Э.М. Триумфальная арка. – М., 1982. С. 3-10.
15. Antkowiak A. Erich Maria Remarque: Leben und Werk. – Westberlin: Verlag das Europäische Buch, 1983. 158 p.
16. Ben Ammar S. Das Dritte Reich und die Emigration in zwei Romanen von Erich Maria Remarque: «Arc de Triomphe» und «Zeit zu leben und Zeit zu sterben»: [Diplomarbeit]. – Lille: Université Charles de Gaulles, 2000/2001. 89 p.
17. Bousch D. Die Imago Paris in den Exilromanen Remarques und die Rezeption in Frankreich // Thomas F. Schneider (Hrsg.). Erich Maria Remarque. Leben, Werk und weltweite Wirkung. (Schriften des Erich Maria Remarque-Archivs 12). Osnabrück, 1998. Pp. 371-384.
18. Remarque E.M. Arc de Triomphe. – СПб.: КОРОНА принт: КАРО, 2000. 480 с.
19. Remarque E.M. Das gelobte Land. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1998. 442 p.
20. Schlösser I. Die Darstellung des Exils bei Erich Maria Remarque: [Examensarbeit]. – Köln: Universität, 2001. 113 p.

21. Schreckenberger H. „Durchkommen ist alles«. Physischer und psychischer Existenzkampf in Erich Maria Remarques Exil-Romanen // Text + Kritik. № 149. 2001. Pp. 30-41.

### References

1. Barthes, Roland. *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalisma k poststrukturalizmu* (2000): 196-238.
2. Bakhtin M.M. *Literaturno-kriticheskie statii* (1986): 121-290.
3. Vinogradova L.N. *Zagovornyy text. Genezis i struktura* (2005): 425-440.
4. *Illustrirovanny mifologicheski slovar'*. – Saint Petersburg: Severo-Zapad, 1994. 384 p.
5. Kondrashov A.S. *Kto est' kto: Bogi i geroi Drevnei Gretsii i Rima*. – Moscow: Ripol Classic, 2002. 703 p.
6. Lotman Yu.M. *Ob iskusstve* (1998): 14-285.
7. *Mify narodov mira*. Vol. 2: K–Ya. – Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1988. 719 p.
8. Mikhalskaya N.P., Dudova L.V. *Zarubezhnaya literatura XX veka* (2003): 3-10.
9. Nikolayeva T.S. *Tvorchestvo Remarque-antifashista*. – Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta, 1983. 134 p.
10. Porshneva A.S. *Mir emigratsii v nemetskom emigrantskom romane 1930–1970-kh godov (E.M. Remarque, L. Feuchtwanger, K. Mann)*. – Yekaterinburg: Izdatelstvo UMZ-UPI, 2014. 306 p.
11. Porshneva A.S. *Prostranstvo emigratsii v romannom tvorchestve E.M. Remarque*. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2010. 231 p.
12. Starodubtseva L.V. *Gorod i iskusstvo: subyekty soziokulturnogo dialoga* (1996): 48-60.
13. Tamarchenko N.D., Tyupa V.I., Breutmman S.N. *Teoriya literatury*. Vol. 1. – Moscow: Academia, 2004. 511 p.
14. Kharitonov M. *Remarque, Arc de Triomphe* (1982): 3-10.
15. Antkowiak A. *Erich Maria Remarque: Leben und Werk*. – Westberlin: Verlag das Europäische Buch, 1983. 158 p.
16. Ben Ammar S. *Das Dritte Reich und die Emigration in zwei Romanen von Erich Maria Remarque: «Arc de Triomphe» und «Zeit zu leben und Zeit zu sterben»*. Lille: Université Charles de Gaulles, 2000/2001. 89 p.
17. Bousch D. *Erich Maria Remarque. Leben, Werk und weltweite Wirkung* (1998): 371-384.
18. Remarque E.M. *Arc de Triomphe*. – Saint Petersburg: Korona Print: KARO, 2000. 480 p.

19. Remarque E.M. *Das gelobte Land*. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1998. 442 p.
20. Schlösser I. *Die Darstellung des Exils bei Erich Maria Remarque*. – Köln: Universität, 2001. 113 p.
21. Schreckenberger H. *Text + Kritik*, no. 149 (2001): 30-41.

#### **ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ**

**Поршнева Алиса Сергеевна**, доцент, кандидат филологических наук, доцент  
*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*  
*ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, 620002, Россия*  
*alice-porshneva@yandex.ru*

#### **DATA ABOUT THE AUTHOR**

**Porshneva Alice Sergeevna**, Associate professor, Candidate of Philology  
*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin*  
*19, Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russia*  
*alice-porshneva@yandex.ru*

#### **Рецензент:**

**Седова Е.С.**, доцент, кандидат филологических наук, Челябинский государственный педагогический университет